

В конце концов, Шэнь Лян положился на свой писательский талант и сумел спасти свою жизнь своим недогнувшим языком. Когда Шао Циньхань услышал эти слова, он, хотя и не сразу, согласился, по крайней мере, не убил его. В течение следующих двух дней Шэнь Лян оставался в комнате, и ему не разрешалось из нее выходить.

Шэнь Лян был доволен и этим: иметь комнату, в которой можно жить, и еду, которую можно есть, было намного лучше, чем быть избитым и парализованным. Что касается запретов?

Извините, но он был просто мертвым фанатом-отаку, и его самым значительным достижением было то, что он полгода не выходил из дома, когда писал рукопись, так что два дня взаперти - это ерунда.

Шэнь Лян грыз семечки дыни, размышляя о том, как далеко зашел сюжет. Если не было ошибки во времени, Су Цинъян должен был привезти Шэнь Яня сегодня.

Боже упаси поменять этот сюжет.

Окно комнаты было приоткрыто, и, выглянув из него, можно было увидеть большой цветочный сад, прямо рядом с внутренним двором. У Шэнь Ляна был острый слух, и он внезапно услышал снаружи рев машины, поэтому он встал и подошел к окну.

Он отодвинул занавески и увидел серебристо-серую машину, припаркованную возле фонтана. Из машины вышли двое мужчин.

Один был молод и слаб, главный герой Шэнь Янь. Другой был одет в костюм и выглядел добрым и радушным, вероятно, это был официальный представитель ЦК Су Цинъян.

На данный момент Су Цинъян мало что знал о Шэнь Яне помимо того, что он был бедным студентом, которого спонсировала группа Шао. Он закрыл дверь, не впуская Шэнь Яня. Расстояние было идеальным.

“Я оставляю тебя здесь. Если в твоём исследовательском материале чего-то не хватает, можешь обращаться ко мне в любое время”.

Су Цинъян был для Шэнь Яня как старший брат, его толерантное и шутливое отношение заставило Шэнь Яня, который с детства страдал от отсутствия ласки, почувствовать прилив тепла, и в этот момент в нём зародились уже первые ростки любви.

Шэнь Янь кивнул и прошептал: “Спасибо”.

Су Цинъян улыбнулся и помахал ему рукой, уходя. Шэнь Янь оставался на том же месте и смотрел ему вслед, пока машина не выехала за ворота, затем развернулся и вошел в дом. Шэнь Лян наблюдал за драмой сверху, став свидетелем всего этого, и в его сердце была только одна мысль...

Как волнующе.

Когда Шэнь Янь вошел в дом, он случайно столкнулся с Шао Циньханем. Он был поражен и инстинктивно сделал шаг назад: “Господин Шао?”

В его голосе слышалось скрытое напряжение, и его тело бессознательно напряглось. Шао Циньхань молча стоял в углу лестницы, его высокая фигура слегка искажалась светом ламп над головой. Он держал руку в кармане, и его взгляд остановился на Шэнь Яне. Он видел

предыдущую сцену.

Этот человек нес с собой ауру опасности, которая заставляла людей опасаться приближаться к нему.

Шэнь Янь уже смутно почувствовал особые чувства Шао Циньхана к нему и начал сознательно держаться на расстоянии, мягко объяснив: "Господин Шао, я вернулся, чтобы забрать одежду. Затем я вернусь в кампус".

Шао Циньхань молча спустился по лестнице, а затем громко спросил: "Кто был тот человек, который только что привез тебя сюда?"

Шэнь Янь почувствовал необъяснимое удушье от его близости. Не выдержав невидимого давления Шао Циньхана, он не удержался и сделал еще один шаг назад: "Это мой однокашник".

Отношение Шао Циньхана к Шэнь Яню сильно отличалось от отношения к Шэнь Ляню. Он ничего не сказал, только посоветовал: "Уже почти стемнело, вернешься завтра".

Шэнь Янь отрицательно покачал головой.

Шао Циньхань на мгновение заколебался: "Я отвезу тебя".

Шэнь Янь все еще качал головой.

"Няня Чжан приготовила ужин, ты..."

Шао Циньхань еще не закончил говорить, когда Шэнь Янь отвернулся от него и поспешил вверх по лестнице. Увидев это, Шао лишь слегка сжал губы, проглотив остаток слов, оставшись в беспомощном одиночестве.

Шао Циньхань настолько привык быть один, что не знал, как подступиться к другим. Как и Шэнь Янь, который боялся и избегал его как назойливого насекомого. Скрестив руки на груди, Шэнь Лян прислонился к двери и наблюдал за суматохой. Качая головой и думая: собака, которая вылизывает себя досуха. Хотя этот избитый собачий сюжет придумал он сам.

Система не смогла удержаться от жалобы: [Не потому ли, что сюжет, который ты придумал, кровавый и вульгарный?]

Шэнь Лян приподнял бровь: "Ты можешь оскорблять меня, но ты не можешь оскорблять мою работу".

Пока они препирались, Шао Циньхань уже развернулся и поднялся по лестнице, и не удивился, обнаружив, что Шэнь Лян наблюдает за весельем. Его шаги остановились, а голос стал немного серьезным: "Ты помнишь, что я говорил?"

"Да я ничего не нарушал. Всего лишь одной ножкой". Шэнь Лян мрачно и соблазнительно ухмыльнулся, подняв ногу, чтобы показать, что он не выходил из комнаты. "Это не противозаконно - полюбоваться видом, не так ли?"

"Полюбоваться?" Шао Циньхань посмотрел прямо на него и нахмурился: "Ты любишься моим несчастьем?"

Шэнь Лян подумал, что тот угадал, он действительно любит его несчастьем, так как больше

всего на свете ему нравится любоваться несчастьями.

Он собирался сказать что-то саркастическое, когда услышал системное уведомление: [Внимание! Уровень очернения злодея достиг 25%. При достижении уровня в 100% миссия автоматически будет считаться проваленной. Пожалуйста, обрати внимание, Хозяин!]

Шэнь Лян бессознательно выпрямился. Уровень очернения? Какого черта? Он проглотил слова, готовые сорваться с его губ, потряс головой, как погремушкой, и поспешно сказал Шао Циньханю: “Нет, не люблюсь!”

Кажется подозрительным, что здесь нет скрытых ловушек.

[Динь! Уровень очернения злодея достиг 30%!]

Шэнь Лян был ошарашен и поспешил исправить ситуацию: “Разве ты не хотел, чтобы Шэнь Янь остался здесь на ночь?”

Не стоило, наверное, упоминать Шэнь Яня. Упоминание о нем могло создать впечатление, что он на что-то намекает. Услышав это, Шао Циньхань втолкнул Шэнь Ляна прямо в комнату, захлопнув за ним дверь.

Шэнь Лян не знал, что он собирается делать, и на мгновение застыл, затем многозначительно посмотрел на Шао Циньханя, отреагировав: “Господин Шао, чего вы хотите?”

В ту ночь они кувыркалились здесь, и когда он вспоминал это сейчас, звук прерывистого дыхания, казалось, все еще звучал у него в ушах.

Шао Циньхань думал о том же, что и он, его лицо необъяснимо пылало, но голос все еще был ужасно холодным: “Держи рот на замке, не говори ничего, чего не следовало бы говорить. Если Шэнь Янь узнает, что произошло между нами...”

Он не закончил своих слов, но угрожающий смысл был передан.

Шэнь Лян поднял руку, показывая: “Я понимаю”. Он опустил глаза, чтобы посмотреть на руку, которую сжимал Шао Циньхань, и издал звук “цок” со скрытой улыбкой: “Говорят, один день может стоить ста дней милосердия, но господин Шао слишком быстр, чтобы менять выражение лица”.

Шао Циньхань выпалил: “Ты сам добавил наркотик, так что не вини меня за мое лицо”.

Как автору оригинала, Шэнь Ляну было немного любопытно. Он потер подбородок, и его мозговой контур бессознательно налился кровью. И он улыбнулся Шао Циньханю: “Эй, в любом случае, мы с Шэнь Янем похожи, почему я тебе не нравлюсь? Я интереснее его”.

Шэнь Лян сказал это в шутку.

Однако Шао Циньхань воспринял это всерьез: “Шэнь Янь отличается от тебя”.

В его словах не было и следа неприязни к Шэнь Ляну.

Веки Шэнь Ляна дрогнули от его слов, он подумал, какого черта, разве это не те же яйца? Он поднял брови и внезапно заинтересовался: “В чем разница?”

Первоначальный персонаж Шэнь Ляна был жадным, в то время как Шэнь Янь был

самодостаточным, разница была действительно значительной.

Хотя этот Шэнь Лян больше не был таким, как другой Шэнь Лян, мнение Шао Циньхэня осталось прежним.

“Ты слишком жадный”. Он тихо сказал: “Ты желаешь слишком многого”.

<http://bllate.org/book/14269/1262317>